

10. Розанов В.В. Уединенное // Розанов В.В. О себе и жизни своей. – М., 1990.
11. Платонов А.П. Деревянное растение. Из записных книжек. – М., 1990.
12. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. – М., 1991.
13. Див.: Rorty R. The historiography of philosophy: four genres // Philosophy in history. Essays on the historiography of philosophy. N.Y.-L., 1993.
14. Зырянов О.В. Эволюция жанрового сознания русской лирики: феноменологический аспект. – Екатеринбург, 2003.
15. Гиришман М.М., Лысенко Н.Р. Диалектика взаимосвязи жанра и стиля в художественной целостности // Взаимодействие метода, стиля и жанра в советской литературе. – Свердловск, 1988. – С. 42-43
16. Див.детальніше про це: Erläuterungen zu Hermann Hesse das Glasperlenspiel von Martin Pfeifer. – Hollfeld: C.Bange Verlag., 4 Auflage, 1994.
17. Sikander Singh. Hermann Hesse. – Stuttgart: Philipp Reclam, 2006.
18. Гутерман Ю.О. Поэтика романа Г.Гессе «Игра в бисер» в контексте философии буддизма и даосизма. Дис. на соискан. ученой степени кандидата филолог. наук. – М., 1999. –
Режим доступа : www.disscat.com/.../poetika-romana-g-gesse-igra-v-biser-v-kontekste-filosofii-buddizma-i-daosizma
19. Каралашвили Р. Мир романа Германа Гессе. – Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1984.
20. Гессе Герман. Гра в бисер. – Харків: Фоліо, 2001.
21. Злочевская А. Парадоксы зазеркалья в романах Г.Гессе, В.Набокова и М.Булгакова // Вопросы литературы. – № 2. – С. 201-221.
22. Набоков В.В. Федор Достоевский // Набоков В.В. Лекции по русской литературе. – М.: Независимая газета, 1998.
23. Див.: Pechal Z. Hra v rombu Vladimira Nabokova. – Olomouc: Univerzita Palackaho, 1999.
24. Hermann Hesse. Ausgewählte Briefe. Erweiterte Ausgabe. – Frankfurt a.M Suhrkamp, 1974. – S.209
25. Гачев Г. Ментальности народов мира – М., 2003.

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРА

Іван Мегела – доктор філологічних наук, професор, завідувач кафедри зарубіжної літератури Інституту філології Київського національного університету імені Тараса Шевченка.

Наукові інтереси: зарубіжна література, перекладознавство.

УДК 811.161.1'276'38:17.023.31:82-312.4...А/Я.08 В.П.Смирнов

ЯЗЫКОВОЕ ПРОСТРАНСТВО В ИДИОСТИЛЕ ПИСАТЕЛЯ И В РЕЧИ ЕГО ПЕРСОНАЖЕЙ (ПО ПРОИЗВЕДЕНИЯМ ВАЛЕРИЯ СМИРНОВА)

Евгений СТЕПАНОВ (Одесса, Украина)

У статті розглянуто проблеми співвідношення та взаємодії ідіостилу письменника, його мовної картини світу і мовного простору персонажів, свідомо відтвореного автором на основі їх соціальної, професійної, національної, художньої, мовної картин світу. Проаналізовано роман-трагіфарс «Гроб из Одессы» сучасного одеського письменника Валерія Смирнова, деякі інші тексти.

Ключові слова: ідіостиль письменника, мовний простір, мовна картина світу, мовлення персонажа, соціолінгвістика, Валерій Смирнов.

The article deals with the problem of correlation and interaction of the writer's idiostyle, his lingual world view and the lingual spaces of the characters, consciously created by the author on the basis of their social, professional, national, art, language mapping of the world. Roman-tragicomedy "Grob iz Odessy" by contemporary writer Valery Smirnov and some other texts have been analyzed in the research.

Key words: writer's idiostyle, lingual space, language mapping of the world, character's speech, sociolinguistics, Valery Smirnov.

Идиостиль – это совокупность индивидуальных особенностей речи индивида в его авторских текстах. Чаще всего в филологии говорят об идиостилях авторов художественных произведений. Например, если писатель долгое время занимался определённой профессиональной деятельностью – был или является врачом, военным, моряком, инженером, юристом, – в языке его произведений часто встречаются художественные тропы, созданные на основе профессиональной речи (*чистый, как руки хирурга перед операцией; горячий, как радиатор, в который вместо антифриза налили масло; я лагом к Дерибасовской стою; лево руля от входа в парк стояли батискафы с пивом и сигаретами; курсанты съедают всё до гусениц и под*). Если писатель вырос в специфическом климатическом или социальном окружении, в его произведениях нередко используется знакомый ландшафт, место действия, появляются персонажи из понятного или близкого ему социального окружения. Так, у К. Станюковича, выросшего в Севастополе, Амурский залив в «Гибели «Камчадала»» именуется не иначе как Амурский лиман, хотя феномен лиманов географически ограничен зоной Причерноморья, а слово сохранилось со времени греческого господства в этом крае (ср.: греч. λιμῖν – «гавань», «бухта») [4 : 92–94]. Гидроним *Амурский лиман* имеется в текстах адмирала С. С. Лесовского, начинавшего службу на Черноморском флоте, в книге Н. М. Пржевальского «Путешествие в Уссурийском крае» и др. Налицо – пример расширения территории использования регионализма благодаря его имплантации в профессиональную речь военных, моряков и путешественников. В произведениях

Н. В. Гоголя действия, место которых конкретизируется, происходят обычно в левобережных сёлах Украины или в Петербурге, там, где жил сам писатель; персонажи произведений Л. Н. Толстого, как правило, русские дворяне и крестьяне со свойственными им особенностями общественного и речевого поведения; а многие персонажи произведений А. М. Горького – рабочие, разночинцы, люмпены, причём не только российские, но и итальянские (в Италии писатель прожил в общей сложности 15 лет). Предсказуемыми являются также отражаемые в речи социальные и территориальные картины мира и речевые особенности лингвального пространства героев произведений Ф. М. Достоевского, М. А. Булгакова, И. Э. Бабеля...

Идиостиль писателя даёт свой вариант текстовой модели, создаёт свою разновидность модели речевой деятельности персонажа, которая программируется писателем и восстанавливается читателем по авторским сигналам, конвенциональным ожиданиям, фонду общекультурных знаний с той или иной степенью полноты [6 : 144]. Очевидной в современной лингвистике с преобладающим в её исследованиях антропоцентрическим подходом является актуальность изучения авторской идиостилистики и речевых оттенков персонажей. Ведь уже долгое время ведутся споры о причинах, по которым носители языка выбирают яркую языковую личность среди героев художественных произведений. На протяжении многих десятилетий литераторы с помощью мастерски передаваемой речи художественных персонажей, иногда сами того не подозревая, обеспечивают динамику развития русского языка на социальном, региональном и, в ряде случаев, на всеобщем уровне функционирования языка. Чем правдивее и актуальнее персонаж, чем убедительней его речь, закрепляющая языковые новообразования, тем более вероятной является имплантация новых слов, фразеологизмов, паремий, синтаксических моделей, отличающих его речь, в социальные, территориальные языковые формирования и даже в русский литературный язык. Время активного использования этих новообразований и их дальнейшая судьба различны. **Цель** данной статьи – показать соотношение и некоторые черты взаимодействия идиостиля писателя, его языковой картины мира (ЯКМ) и языкового пространства персонажей, сознательно воссоздаваемого автором на основе их социальной, профессиональной, национальной, художественной, языковой картин мира, на примере произведений современного одесского писателя Валерия Павловича Смирнова.

Городское многоязычие и специфика русской речи в Одессе, привычки и экономическое мышление европейского приморского портового города, обострённое чувство малой родины и «одесского двора», умение шутить, иронизировать и парировать чужую шутку и иронию, присущие одесситам, морской и степной пейзаж – далеко не полный перечень факторов, влияющих на идиостиль большинства одесских писателей.

Лингвальное пространство художественного произведения является частью пространства языка и текста, в котором функционирует конкретная текстовая модель и вырабатывается её типология.

Каждое произведение Валерия Смирнова имеет своё лингвальное пространство, однако сводятся они к нескольким текстовым моделям. Так, в «Волшебной мармышке» (книге из серии «Библиотека рыболова») функционирует одна текстовая модель, в смирновских криминальных романах («Белый ворон», «Тень Берсерка» и др.) – другая, в «Большом...» и «Таки-да большом полутолковых словарях одесского языка» – третья, в романе «Гроб из Одессы», который, по нашему мнению, написан в духе современного трагифарса, функционирует текстовая модель, отличная от первых трёх. Мы не ставим перед собой задачу конструирования этой модели, а лишь остановимся на некоторых особенностях речи автора и персонажей этого произведения, языковое пространство которого наряду с «Операцией “Гиппократ”», легендами из книги «...Таки-да!» и некоторыми другими произведениями автора создаёт своеобразный колорит, квинтэссенцию неподражаемого смирновского идиостиля, по которому безошибочно узнаётся сам автор и формируется совершенно разное отношение читателя к нему и его произведениям: от влюблённости, желания подружиться, сделать его своим кумиром и стремления заговорить языком понравившегося персонажа до полного отвержения, неприятия и осуждения за использование жаргонизированной речи, грубого просторечия, табуированной лексики, воровского арго.

Для Валерия Смирнова высшей ценностью является авторитет жизненной правды, в том числе настоящей звучащей речи персонажей, без купирования ЯКМ персонажа, какой бы откровенно неприличной она ни казалась интерпретатору [3 : 304]. Ведь языковая картина мира любого человека – прежде всего порождение его социального опыта и, лишь отчасти, психических способностей. А кто же они, эти персонажи романа «Гроб из Одессы», речь которых нередко затрудняет восприятие языкового пространства текста? В первую очередь, это уголовники (блатные), представляющие теневой мир, живущий по своим воровским законам, которые концептуально отличаются от законов легального мира, представленного в романе лишь эпизодическими персонажами, и посредники между миром тёмным и легальным – «солдаты правопорядка». Известно, что воровское арго (блатной жаргон) – это тайный язык, создаваемый и

используемый криминалитетом специально для того, чтобы сделать речь данной социальной группы, во-первых, непонятной для посторонних, во-вторых – экспрессивно окрашенной, в-третьих – способной выразить магическое отношение уголовников к миру [1 : 48–49]. Борцы с преступностью, по долгу службы, тоже хорошо владеют воровским аргом. Вот и пестрит в романе речь Михаила Винницкого, его адъютантов, Грини Кота, Кольки Цукера, Лёвки Быка и других их коллег по воровскому цеху воровскими арготизмами, элементами общеупотребительной жаргонизированной речи и просторечия. Например: Михаил Винницкий: ...*Самый последний раз вы резко покинули кичу как раз потому, что продули Симону Левому на честное слово, а отдавать было нечем, а, Кот? Сеня Вол: Зорик, вы сильно марафетитесь.* Лёвка Бык: (1) *У, падлы, фуцны бараные.* (2) *У меня есть редкая бимба.* Эрих Шпицбауэр: (1) *Одессой командуют деловые при власти. Нас раньше терпели с трудом, но мы были сильные, а они фраера.* (2) *Они рубили своими длинными швайками тех, кто подымал руки. Какой урка замочит поднявшего до горы ладони?* (3) ...*Мишкин подарок фарт гонит* и под.

Непрерывная устремлённость к гармонии читателя с тем миром, в который его переносит автор, к пониманию этого мира, непрекращающийся отбор языковых и прагматических средств приводит писателя к необходимости “срастания” авторского комментария с речью персонажей. Именно поэтому, комментируя речь воров, писатель не спешит резко изменять стиль изложения, оставляя читателя в данной ауре. Например: *Этот газетный деятель будет рыть Одессу до старого пришествия порто-франко, – сказал Антиквар, не зная пока, что Колька снял пенсионера чалму по поводу гроба.* Всё то же стремление не выводить читателя из конкретной социальной среды движет писателем соответствующим образом стилизовать речь рассказчика, которым сам и является, когда он повествует о мыслях и непосредственных действиях персонажей. Это создаёт эффект отсутствия автора, усиливающий реальность и объективность описываемых событий.

Так, показывая в первой части романа “трамвайные подвиги” Кольки Цукера в эпоху развитого социализма, а во второй части «биндюжно-таможенные подвиги» братьев Гохманов и Гарьки Брауна в эпоху одесского порто-франко, автор ни разу не обращается к прямой речи: ведь в их деле главное – работа мысли, рук, ног, но не языка. Зато читатель постоянно ощущает присутствие этих персонажей, читает их мысли на их языке, поскольку рассказчик подстраивается под ЯКМ данной социальной группы. Основными структурно-языковыми средствами, способствующими созданию эффекта присутствия говорящего персонажа в таких текстовых отрезках являются несобственно-прямая и косвенная речь как фигуры экспрессивного синтаксиса. Иногда эти построения прерываются парцелляцией или содержат присоединительные конструкции. Например: (1) *И в самом деле, зачем был нужен трамвайщик Цукеру, если он мог не только элементарно сработать шмеля из заднего кармана жирного фраера, но и расписать лифчик...* (2) *Цукер признал за коллегой высокий класс работы, но еле стерпел, что соперник нагло называл шмеля по-московски лопатником. А потому решил во что бы то ни стало доказать: он уже забыл за методы работы, каких Косой ещё не знает. Причём без кани на цырлах, с чего начинает бомбёжку даже гезель.* (3) *Тищенко в конце концов сфаловал сам себя, что состоит на государственной службе и, менжуйсь, рискнул попереть на Мясоедовскую. Конечно, можно было сбегать по начальству и разнуздать звякало за нычку убийцы Брауна... Но что будет, если зуб за два шнифта Хлава прогнал тупфу из-за решётки ради жменьки кокаина...*

Идиостиль Валерия Смирнова близок стилю народного сказа, в котором рассказчик не задумывается о соответствии используемых лексических и грамматических средств литературной норме. Таковы, например, сказы Михаила Зошенко («Рассказы Назара Ильича господина Синебрюхова»), где рассказчик ориентируется на диалектную норму, которой владеет с детства, и на усвоенное в процессе языкового опыта городское просторечие. Кстати, и о рыбалке Смирнов, будучи истинным знатоком рыбацкого дела и даже автором нескольких снастей, не имеющих аналогов, рассказывает языком рыбака-одессита, а не стороннего наблюдателя.

Яркой особенностью идиостиля Валерия Смирнова, мимо которой не может пройти ни один читатель, является использование как регулярных, так и нерегулярных лексических и грамматических единиц, характерных для такого регионального варианта русского языка, каким является одесское городское койне [5 : 81–91]. Причём автор учитывает, что каждая из эпох, в которые живут персонажи «Гроба из Одессы», обладает своим инвариантом коллективного речевого стиля и своими нормами городского койне. Так, в середине XIX в. русская речь одесситов пестрила разноязычными вкраплениями: украинскими, греческими, итальянскими, французскими, немецкими, еврейскими, польскими, молдавскими... Параллельно с разноязычной речью одесситов в городе функционировало городское койне, возникшее на базе русского языка как языка межнационального общения одесситов и некоторые пиджины, питавшие это койне. Например, в семейном диалоге Гохмана-старшего со своей женой Леей вполне естественно использование русско-еврейского пиджина, возникшего в результате смешения русского языка с

українізованим идиш и широко использовавшегося тогда в еврейских семьях Одессы: (1) Ты, вишивый йотер лепетутник – нежно ворковала Лея, – дети хочут немножко кушать. Давай гроши... (2) Ой, вэй, в их годы я уже кормил семья, – начинал врать сам себе Гохман, потому что этим словам Лея давно не верила, – а твои дети... Два здоровых шибеника, не считая аппетит их момула – это чересчур для одной моя больной цавар. Вы все просто хочите сделать мне этеркэф лев миокарда... Лея, ты же купила свежий фиш неделя назад... Может твои гоныфы хочут ликэр мидэ хумус, а? А ацирут их не нападёт? Но чего не сделаеш заради родная кровь... На [= возьми] десять копеек, купи им картошки и селёдка, болячка тебе на рош...

Региональный одесский колорит присутствует в речи одесситов в эпоху революции и гражданской войны. В это время уже редко можно было встретить носителей пиджинов, разве что украинско-русского, больше известного как суржик. Однако в городском койне регулярно использовали калькированные из разных этнических языков коренных жителей города фразеологизмы, а также специфические одесские сравнения, эпитеты, метафоры, фразеологизмы, кальки, трансформы, топонимы и антропонимы, оттопонимные образования... Например: (1) Молдаванка изменилась, Эрих, как цвет моря перед зимой. (2) Клёвый талисман! – показал Моте свою новую игрушку Винницкий, – потянет за собой фарт, как морская волна пену до берега. (3) Лазарь шёл по улице в длинном лапсердаке без ничего под низом. (4) Где [= куда] мы едем, Мотя? (5) Он такой рассеянный, его каждый может сделать обиду. (6) Мене цикавит только, кто будет собирать мусор у помещении. (7) ...Надо на всякий случай уноситься отсюда по системе бикицер. (8) Я всегда говорил: «Одесса – это большая деревня». (9) Или вы имеете сказать, что всё, как раньше? (10) Если не хочешь, чтоб эти волки догрызли Молдаву, беги с Одессы, Эрих. (11) А французы всё равно не верят, что их корона – не Фонтан. (12) Соня Золотая Ручка вскарабкалась до загромождения Прохоровской, с понтом Свобода, ведущая народ. (13) Шё вы себе позволяете в нашем общем городе?

Работа по искоренению всего одесского из Одессы и одесситов, начатая в 1920-е, всё-таки не смогла уничтожить всего, что отличает речь коренного одессита от речи москвича, киевлянина, харьковчанина, курянина, волгара, сибиряка... И в период развитого социализма персонажи Смирнова не перестают говорить с одесским «акцентом»: (1) А божий одуванчик барыга мадам Степовая, которая в своё время уверенно гоняла на гон-стоп, скупала у Волка товар на корню. (2) В этих случаях Игорь с нездеиной силой продолжал гнать пену насчёт своих высоких чувств. (3) Бесфамильный начинает срывать внутри себя нервы по поводу сделки... (4) А хабло Цукер... чувствует себя при этом великим нурицем. (5) Я дико извиняюсь, товарищ. (6) Эй, кореш, – свистнула ему фигура в рябчике и под.

Актуализаторами любой текстовой модели выступают единицы разных языковых уровней, составляющие языковое пространство идиостиля писателя. Как мы могли убедиться, в приведённых примерах присутствуют некоторые фонетические особенности одесского городского койне (смягчение шипящих ж и ш, а также аффрикаты ц; соноризация звука в, вариативно звучащего вплоть до у под влиянием южнорусских диалектов и украинской речи и др.), ради демонстрации которых автор иногда прибегает к нарушению правил правописания, лексические, фразеологические, грамматические особенности. Следует обратить внимание на мастерство передачи Смирновым одесского каламбура, в основе которого чаще всего сочетание в синтаксически однородном ряду неоднородных понятий, лексическая многозначность и нарушение порядка слов. Напр.: (1) Ростислав Московский поставил на краплёную карту свою репутацию, использовал кое-какие связи и даже вертолёт, попутно откровенничая с доверенным лицом некоего Андропова... (2) Роющиеся в мусорных баках коты бросались врасыпную при виде выскакивающих гадить псов и их хозяев, даже если это сукки. (3) Её царь Пётр подарил одной из своих мадам, которую любил между рубкой стрельцовских голов и леса для нужд российского флота. (4) Петя долго шевелил губами на морде и куском кирпичи по асфальту за будкой... (5) ...Наши люди любят старинные вещи и на них выходить в море и под.

Нередко читатели говорят, что Валерий Смирнов нарочито использует глагольные конструкции, в которых некоторые непереходные глаголы ведут себя как переходные (так называемая транзитивизация), а некоторые переходные глаголы – как непереходные (детранзитивизация). Ср.: (1) И в зоне Брежнев сумел выздоровить донельзя пораненную ногу. (2) Если бы Браун стрельнул у кого-то руку или ногу. (3) Молдаванка иногда любит пошутить гостей и под. – Выяснить дополнительных данных по поводу гроба. (4) А также дайте отдыха с содержанием своим приказчикам и под. Но, во-первых, одесское многоязычие во все времена способствовало существованию в городском койне данного явления, поскольку не всем переходным французским, еврейским, итальянским, греческим, немецким глаголам соответствуют русские переходные глаголы и не всем непереходным – непереходные; а во-вторых, давайте подслушаем речь обывателя. И не только в Одессе. Нетрудно понять, что сегодня

ети конструкции в речи чаще всего возникают в связи с действием универсального закона экономии речевых средств, как, впрочем, и многие трансформированные способами подстановки или контаминации фразеологизмы. Например: *явление kota народу* (вместо *Христа*); *мокнуть носом* (шмыгать носом + быть с мокрым носом); *расплеваться с долгами* (= рассчитаться с долгами + расплеваться с друзьями); *делать детство среди работы* (= впадать в детство + делать работу) и под.

Эффект отсутствия автора и присутствия в любой речевой ситуации персонажа достигается не только путём сохранения речевых особенностей персонажей в авторском комментарии, но и благодаря передаче персонажам полномочий делать некоторые умозаключения, выводы, необходимые для понимания авторской концепции. Так, упоминавшийся уже бандит Эрих Шпицбауэр, выполняя роль народного философа, делает вывод об антигуманности революции и цинизме тех, кто призывает выступать под её знамёнами. А появившийся из небытия нетленный образ старика в латаном рябчике и старом кушаке, похожего на ломовика и грузчика-банабака одновременно, предсказывает родному городу упадок и забвение в новых общественных условиях: *Мне ... нечего делать в этом городе, которого уже нет. Он будет стоять, но осыпется и сгинет. Он будет жить, но жить воспоминаниями. Он захочет возродиться, но не сможет. Потому что среди него не останется тех, кто сумел бы этого сделать. Одесса остаётся без своего духа. А значит от города будет только название. Пустой звук...* Эти слова – свидетельство глубокой трагичности событий, описываемых в романе «Гроб из Одессы». А образ старика-труженика, покинувшего город, – это то духовное наполнение золотого скелета, надолго покидавшего Одессу вместе с Эрихом в 1920-е и так и не обретшего здесь себе места после возвращения в 1970-е.

Всякая народная мудрость имеет обобщённое авторство. Рассказчик, писатель выступает лишь посредником между разными группами людей. И поскольку одна и та же идея по-разному интерпретируется разными слоями общества, автор оставляет за читателем право сделать свой вывод.

В результате нашего исследования можно сделать вывод о том, что идиостиль писателя лишь отчасти отражает его образ и условия жизни. Талантливый писатель сродни талантливому артисту. Как и артист, он обладает искусством перевоплощения. По нашему мнению, авторский идиостиль – лишь канва создаваемого им языкового пространства произведения и ЯКМ персонажей. Языковая картина мира писателя включает в себя как собственно авторское языковое пространство, так и подробнейшим образом изученное и интерпретированное сквозь призму индивидуального сознания и коммуникативного опыта языковое пространство каждого персонажа. Анализ языкового творчества Валерия Смирнова свидетельствует о многогранности языковой картины мира этого писателя. В ней целесообразно сосуществуют, пересекаясь и влияя друг на друга в рамках языкового пространства писателя картины мира изображаемых им персонажей, различающихся по социальным, корпоративным, этническим, региональным, гендерным, возрастным, образовательным, физиологическим, психологическим и другим признакам, которыми персонажи сознательно наделены автором.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Беликов В. И. Социолінгвістика / В. И. Беликов, Л. П. Крысин. – М.: РГГУ, 2001. – 440 с.
2. Смирнов В. П. Гроб из Одессы : роман / В. П. Смирнов. – Одесса: Друк, 227 с.
3. Степанов Е. Н. Об Одессе серьёзно: размышления по поводу романа Валерия Смирнова «Гроб из Одессы» / Е. Н. Степанов // Смирнов В. П. Пятый угол. – Одесса: Полиграф, 2007. – С. 304–318.
4. Степанов Е. Н. Русская городская речь в полилингвокультурном пространстве Одессы: дисс. ... доктора филол. н.: 10.02.02 – русский язык / Е. Н. Степанов. – Одесса, 2013. – 595 с.
5. Степанов Е. М. Російське мовлення Одеси: монографія / За ред. Ю. О. Карпенка. – Одеса: Астропринт, 2004. – 496 с.
6. Фоменко Е. Г. Идиостиль писателя и порог интерпретации художественного текста / Е. Г. Фоменко // Актуальні проблеми менталінгвістики: зб. статей за матеріалами IV-ї міжнар. наук. конф. – Черкаси, 2005. – С. 143–145.

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРА

Свєній Степанов – доктор філологічних наук, професор, завідувач кафедри російської мови Одеського національного університету ім. І. І. Мечникова.

Наукові інтереси: лінгвістична регіоналістика, мова міста, соціолінгвістика, граматики російської мови, російська мова як іноземна.